

МОЖНО ЛИ ОДНОВРЕМЕННО ЛЮБИТЬ И ПОЧИТАТЬ ВЫСОЦКОГО И СТАЛИНА?

*Идет охота на волков, идет охота.
На серых хищников – матерых и щенков.
Кричат загонщики и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу и пятна красные флажков.
Но а я - из повиновения вышел
За флажки: жажда жизни сильней,
Только сзади я с радостью слышал
Изумленные крики людей.
Рвусь из сил, из всех сухожилий,
Но сегодня не так, как вчера.
Обложили меня, обложили,
Но остались ни с чем егеря!*

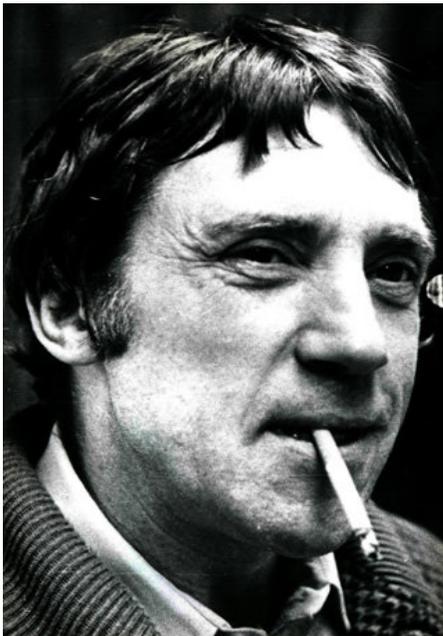
В России определенно любят Владимира Высоцкого – приуроченные ко дню смерти поэта, барда и актера 25 июля всевозможные памятные вечера и выступления еще раз ясно продемонстрировали это. В едином порыве объединились и подобные Владимиру Семеновичу волки, на которых охотились кагэбэшные загонщики со сворой гончих псов из Союза советских писателей и других подведомственных загонщикам организаций, и многомиллионная аудитория простых советских людей, тайно переписывавших на магнитофон подпольные песни никому неизвестного барда, и те, кто никогда не любил и не понимал этого хрипловатого антисоветчика, и те, кто запрещал его концерты, и те, кто воспротивился минимальному государственному признанию великого поэта и актера, и те, кто не постыдился запретить публикацию в центральных газетах горестного сообщения о внезапной смерти воистину народного поэта...

Официальная Москва, состоящая, в основном, из бывших партийных работников и бывших офицеров КГБ, бесстрашно возглавила список почитателей таланта Владимира Высоцкого и с пылом, искренность которого превосходит даже «искренность» внезапно нахлынувшей на высших чиновников веры в «Господа нашего, Иисуса Христа», подпевала в эти дни прежде запрещенные ею песни поэта. Даже российские националисты и фашисты, способные отыскать, если потребуется, каплю еврейской крови и там, где ее в помине нет, проявили потрясающую терпимость к русскому гению – наполовину, по отцу, еврею.

Бурные выражения восторга перед творчеством Высоцкого как со стороны его бывших гонителей, так и со стороны российского официоза, вкуче с «патриотами», можно было бы вполне одобрить и даже условно принять за знак их покаяния, если бы не одно странное обстоятельство – эти люди, оказывается, наряду с любовью к Высоцкому, еще испытывают непреодолимую почтительность и даже скрытую культовую любовь к Сталину – антиподу любой свободной творческой личности. И невольно возникает вопрос, вынесенный в заголовок настоящей заметки. Положительный ответ на него относится к чуждым логике утверждениям типа «умом Россию не понять». Но поскольку, согласно известной ремарке сатирика Губермана, «давно пора е...на мать умом Россию понимать», возникает необходимость разобраться – как же это получается, что в современной России с одинаковым пылом любят и почитают одновременно и Высоцкого,

и Сталина. Ведь дело обстоит так: Высоцкого любят все, кто о нем хотя бы слышал, а Сталина, согласно всем социологическим опросам, любит громадное большинство населения, поэтому пересечение этих двух подмножеств не может не быть само по себе громадным. Пересечение это включает отнюдь не одних бывших хулителей поэта – Бог простит этих немногочисленных заблудших, но, напротив, оно охватывает гигантскую часть народонаселения России, никакого отношения к гонениям на поэта не имеющего.

Что до меня, то скажу откровенно – обидно мне за Владимира Высоцкого. Обидно, что любят его те же, кто, суетливо отводя глаза, запинаясь и на исторических ухабах спотыкаясь, никак не может скрыть своего благоговения перед злым тираном, залившим кровью Россию, унижившим народ принудительным идолопоклонством и превратившим великую страну в концлагерь рабского труда. Есть что-то унижительное и постыдное в таком совмещении. Такое совмещение – надругательство над памятью народного поэта, которого обложили и затравили при его недолгой жизни те, кто любил и почитал Сталина. Ума не приложу – как вообще возможно такое совмещение! Как можно любить насилие, идолопоклонство и холуйство и, в то же самое время – песни Владимира Высоцкого:

Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрелов в упор.
Я ненавижу сплетни в виде версий,
Червей сомненья, почестей иглу.
Или, – когда все время против шерсти,
Или когда железом по стеклу.
Я не люблю уверенности сытой,
Уж лучше пусть откажут тормоза.
Досадно мне, что слово "честь" забыто,
И что в чести наветы за глаза.
Когда я вижу сломанные крылья,
Нет жалости во мне, и неспроста:
Я не люблю насилья и бессилья,
Вот только жаль распятого Христа.
Я не люблю себя, когда я трушу,
И не люблю, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более, когда в нее плюют.
Я не люблю манежи и арены,
На них мильон меняют по рублю, –
Пусть впереди большие перемены,
Я это никогда не полюблю.

Как-то в дни памяти Высоцкого довелось мне смотреть по телевизору грандиозный концерт из Москвы. К сожалению, я пропустил самое начало передачи – поэтому не знаю точно, когда и откуда он, на самом деле, транслировался, или, скорее всего, передавался в записи. Концерт-воспоминание вел замечательный актер Валерий

Золотухин, другие известные актеры исполняли – кто лучше, кто хуже – песни Высоцкого. Между песнями ведущий вовлекал в разговор тех, кому посчастливилось работать или встречаться в разных жизненных ситуациях с Владимиром Семеновичем.

Вечер шел в типичной советской манере – космонавты вспоминали, как брали записи песен Высоцкого в космические полеты (в чем я, простите, очень сомневаюсь), знавшие Высоцкого по совместным выступлениям актеры вспоминали забавные эпизоды из его биографии. Все проходило в стиле «уверенности сытой», которую так не любил поэт, как будто речь шла о звезде эстрады, обласканной властью предержащими. Даже умный и, как правило, непредсказуемый Михаил Жванецкий не сумел преградить дорогу потоку банальностей и поведал всем какую-то малоинтересную, с претензией на юмор, байку о своей встрече с Высоцким. Устроители вечера старательно лепили приглашенный, почти благополучный, почти беспроблемный образ Высоцкого.

Как-то сам собой завял, а потом, в грохоте огромного оркестра, и совсем исчез тот беспримерный вызов, который поэт бросил в свое время гнилой брежневской эпохе, и я подумал – не зря он не любил «манежи и арены», где «миллион меняют по рублю». Где же он, настоящий Высоцкий? Где же он, потрясший нас в свое время гениальным иносказанием «Кто ответит мне – что за дом такой...», из которого ни одного слова не выкинешь:

Что за дом притих,
Погружен во мрак,
На семи лихих
Продувных ветрах,
Всеми окнами
Обратясь в овраг,
А воротами –
На проезжий тракт?

Ох, устал я, устал, а лошадок распряг.
Эй, живой кто-нибудь, выходи, помоги!
Никого, только тень промелькнула в сеньях,
Да стервятник спустился и сузил круги.

В дом заходишь как
Все равно в кабак,
А народишко –
Каждый третий – враг.
Своротят скулу,
Гость непрошенный!
Образа в углу –
И те перекошены.

И затеялся смутный, чудной разговор,
Кто-то песню стонал и гитару терзал,
И припадочный малый – придурок и вор,
Мне тайком из-под скатерти нож показал.

«Кто ответит мне –
Что за дом такой,
Почему во тьме,
Как барак чумной?»

Свет лампад погас,
Воздух вылился...
Али жить у вас
Разучились?

Двери настезь у вас, а душа взаперти.
Кто хозяином здесь? – напоил бы вином».
А в ответ мне: "Видать, был ты долго в пути,
И людей позабыл, – мы всегда так живем!

Траву кушаем,
Век – на щавеле,
Скисли душами,
Опрыщавели,
Да еще вином
Много тешились,
Разоряли дом,
Дрались, вешались".

«Я коней заморил, от волков ускакал.
Укажите мне край, где светло от лампад.
Укажите мне место, какое искал, –
Где поют, а не стонут, где пол не покат».

"О таких домах
Не слышали мы,
Долго жить впотьмах
Привыкали мы.
Испокону мы –
В зле да шепоте,
Под иконами
В черной копоти".

И из смрада, где косо висят образа,
Я, башку очертя гнал, забросивши кнут,
Куда кони несли да глядели глаза,
И где люди живут, и – как люди живут.

«Укажите мне край, где светло от лампад, укажите мне место, какое искал, – где поют, а не стонут..., и *где люди живут, и – как люди живут*» – разве это можно совместить с любовью к сталинскому смрадному дому-бараку, где «долго жить впотьмах привыкали мы, ... в зле да шепоте, под иконами в черной копоти... скисли душами, опрыщавели..., да еще вином много тешились, разорвали дом, дрались, вешались...»?!

С такими мыслями я продолжал смотреть концерт, посвященный памяти Владимира Высоцкого. Продолжал смотреть до тех пор, пока на эстраду не вышел Иосиф Кобзон. Звезда советской эстрады знает, что делает – он решил исполнить одну из самых пронзительных лирических произведений Высоцкого «Он не вернулся из боя» с простыми словами Божественной поэтической силы:

.....
Нынче вырвалась словно из плена весна,
По ошибке окликнул его я –
Друг, оставь покурить – а в ответ тишина,
Он вчера не вернулся из боя.
.....

Однако Иосиф Кобзон предварил свое исполнение такими, примерно, словами, что, мол, эта песня Владимира Семеновича имеет отношение не только к безымянному солдату, погибшему в бою, но и ко многим другим, кто ушел от нас. В соответствии с этой концепцией пение сопровождалось показом на большом экране тех, кто, по мнению Иосифа Кобзона, «не вернулся из боя». На экране замелькали лица известных людей – Заслуженных и Народных артистов СССР и РФ, Лауреатов государственных премий, орденоносцев... Я глазам своим не верил – это те, кто «не вернулся из боя»? Это те, по ком стонала душа поэта? Когда на экране в качестве кобзоновских персонажей, якобы «не вернувшихся из боя», появились Александр Солженицын и Алексей II, я выключил телевизор – такого глумления над Владимиром Высоцким вынести было невозможно.

Подумалось – может быть, в таком преднамеренном искажении сущности творчества Высоцкого и кроется причина положительного ответа на вопрос в заголовке этой статьи? Вероятно, такого изуродованного Высоцкого и можно любить одновременно со Сталиным. Александр Солженицын и Алексей II ушли в мир иной в весьма преклонном возрасте, в ореоле немислимой славы у себя на Родине (кстати, вполне заслуженной), ушли с полным набором всех мыслимых и немислимых наград, почетных званий и признаний во всем мире, ушли, обласканные и российской властью, и всеми другими земными правителями. Владимир Высоцкий ушел из жизни в 42 года без единого знака признания со стороны советского государства. Смешав всех вместе, добавив в смесь лирического героя Высоцкого, не вернувшегося из боя, и разделив потом все поровну, мы, вероятно, и получим некоего лубочного, почти благополучного, «уверенно сытого Высоцкого», которого вполне можно любить наряду со Сталиным, приукрашенным и закамouflированным под «выдающегося менеджера».

И тем не менее остается какое-то поганое чувство от невероятного, но очевидного факта – немало россиян совмещают любовь к Высоцкому с любовью к Сталину.

Как такое возможно? Что случилось с нами? В годы сталинизма мы все, ясное дело, «скисло душами, опрыщавели...», но ведь с тех времен прошло больше полувека. В годы творческого взлета Высоцкого казалось, что сталинщина уходит из нашей жизни навсегда – в культуре, науке, общественной жизни вызревало движение сопротивления тоталитарной партийной диктатуре, приведшее, в конце концов, к демократической революции 1991 года. Владимир Высоцкий не был формально ни диссидентом, ни участником акций протеста против репрессивных мер загнивающего коммунистического режима. Он просто сочинял и пел песни, внешне, казалось бы, аполитичные, которые, тем не менее, оказались фактически мощнейшим оружием демократического движения в борьбе со сталинизмом.

Высоцкий пел необыкновенно, пел мощно, яростно, страстно, пел из всех «сил, из всех сухожилий», казалось, что вот-вот надорвется. На самом деле, его исполнение собственных песен и пением-то назвать трудно – это был взрывной акт жертвенного, полуобморочного, без остатка перевоплощения в образ из слов и гитарных аккордов. Низкий хрипловатый голос Высоцкого, записанный на домашних вечеринках и потом переписанный много-много раз на допотопных советских магнитофонах, звучал с середины 60-х едва ли не в каждом советском доме. Туповатая партийная пропаганда престарелых вождей-маразматиков, поддержанная патриотическими песнопениями прирученных эстрадных звезд, не могла ничего противопоставить этой молодой магнитофонной стихии – яркой, озорной, свободной от штампов, образной, душевной, честной, умной, поэтической стихии воистину народного таланта Высоцкого.

По сути – Высоцкий всегда был антиподом сталинщины, а его творчество никак не укладывалось в идеологию советского тоталитарного режима, что режим, нужно отдать ему должное, прекрасно понимал. Владимир Семенович и скончался словно в пику режиму, подпортив государственную эйфорию по поводу Олимпийских игр, проводившихся в те дни в Москве несмотря на протесты всего мира по поводу вторжения советских войск в Афганистан.

Через 7 лет после смерти Высоцкий стал Заслуженным артистом РСФСР и Лауреатом государственной премии – новые власти отмазывались от преступного государственного непризнания поэта при его жизни. Тем, кто любил творчество Высоцкого, это запоздалое, вымученное квазипокаяние властей представлялось абсолютно неадекватным и неуместным, как плевок в бессмертную душу поэта.

Нет, друзья, одновременная любовь к Высоцкому и Сталину есть полный нонсенс, она в принципе невозможна, если только это подлинный Высоцкий и подлинный Сталин, а не их суррогатные копии в маскарадных масках, придуманных властью предрежущими.

Юрий Окунев
Июль, 2009